

лексические выразительные средства (метафоры, эпитеты, ирония), так и синтаксические (анафоры, инверсия, стилистическое употребление вспомогательных глаголов в утвердительном предложении). Стоит заметить, что и в российской газете, и в американской среди лексических выразительных средств преобладает прежде всего использование метафор, поскольку основная функция метафоры – делать текст более красочным и ярким.

Литература:

1. Баранов, А.Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание / А.Н. Баранов, В.В. Паршин // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М., 2003.
2. Вакуров, В.Н. Стилистика газетных жанров / В.Н. Вакуров, Н.Н. Кохтев, Г.Я. Солганик. – М., 199 с.

DOI 10.33065/978-5-907216-49-5-2021-294-304

*Г.А. Лошакова,
профессор кафедры иностранных языков,
Ульяновский государственный педагогический университет
имени И.Н. Ульянова, Ульяновск, Российская Федерация*

**СЛАВЯНСКИЕ МОТИВЫ
В АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА**

Аннотация. Австрийская литература проходила свое становление в процессе формирования многонационального государства. Взаимовлияние и взаимосвязь различных культур было ее неотъемлемой чертой. Славянский «субстрат» (А. В. Михайлов) становится важной подосновой литературных произведений XIX века. Фр. Грильпарцер и А. Штифтер создают утопию государства, в котором и немцы, и славяне могут жить в дружбе и гармонии. Ч. Силсфилд внимательно изучает место славянских народов в империи Габсбургов. Ф. фон Заар мечтает о народном согласии в Австрии конца XIX века.

Ключевые слова: наднациональная основа, Либуша, Витико, славянские народы, идиллия

*G.A. Loshakova,
Professor of Department of Foreign Languages,
Ulyanovsk State University of Education,*

SLAVIC MOTIFS IN AUSTRIAN LITERATURE OF THE NINETEENTH CENTURY

***Abstract.** Austrian literature was formed in the process of forming a multinational state. The mutual influence and interrelationship of different cultures was its integral feature. The Slavic "substratum" (A.V. Mikhailov) becomes an important sub-base of literary works of the XIX century. Fr. Grillparzer and A. Stifter create a utopia of a state in which both Germans and Slavs can live in friendship and harmony. Ch. Silsfield carefully studies the place of the Slavic peoples in the Habsburg Empire. F. von Zaar dreams of popular harmony in Austria at the end of the XIX century.*

Keywords: supranational basis, Libusha, Vitiko, Slavic peoples, idyll.

Актуальность. Актуальность темы связана с обращением к современности, когда мы видим, как разрушается старая, как правило, имперская государственность и проходит становление новая, образовавшаяся в процессе распада общего государства. Встает вопрос, что остается от империи помимо экономических и промышленных объектов, которые, как правило, на первый взгляд, имеют неоценимое значение. Однако если присмотреться более пристально, то язык, культура, речь являются именно теми нерушимыми пластами, создающими коллективную память человечества.

В этом отношении Австрия, пережившая свое разрушение в 1918 году может быть примером того, как она постепенно вбирала в себя элементы других национальных литератур, составляющих культурную основу населявших ее народов. Д. В. Затонский, анализируя феномен австрийской литературы, подчеркивал: «Некогда насильственно консолидированные народы, сосуществуя на протяжении столетий, не могли не составить некую внутренне взаимодействующую систему. Не только поверхностно-политическую, но и экономическую и культурную. Взаимость вражды не исключала известного взаимообогащения» [2]. Известный исследователь австрийской литературы А. В. Михайлов также отмечал, что старая Австрия была многонациональным

государством и естественно, что существование народов в границах империи предполагало взаимовлияние и взаимосвязь различных культур. Многонациональное начало становится существенным фактором в развитии австрийской литературы с момента ее становления. Михайлов подчеркивал, «что славянское не просто окружало немецкие области, и не просто славяне жили среди немецкоязычного населения этих австрийских областей: славянское было естественным субстратом — слоем-подосновой всей культуры в целом. Такое... впитывается с молоком матери» [3]. Не случайно, отмечает Михайлов, что в творчестве австрийского классика Адальберта Штифтера (Stifter Adalbert, 1805–1868), «богемца» по месту рождения возникает утопия государства, в котором люди могли бы жить в дружбе и братстве. А. В. Михайлов упоминает также, что Ф. Грильпарцер (Grillparzer Franz, 1791–1872) когда-то говорил о «полуварварском» начале в старых чешских сказаниях, но это слово имеет в этом случае не отрицательную семантику. Слово «отнесено ко всей той сфере неукротенной и тем более могущественной подспудной мифологии, какая, как заповедное море, бьется вокруг всего осознанного, обработанного и официально признанного; так римляне могли смотреть на восточные божества, давно отраженные и усмиренные в их собственном пантеоне» [3].

Действительно, стихия славянского подспудно проявляется уже в названиях художественных произведений австрийских авторов: Ф.Грильпарцер, «Либуша», (“Libussa”, 1872), А.Штифтер, «Витико» (“Witiko”, 1867). В именах: Mutter Ludmilla, Prokopus (Stifter A., “Prokopus”, 1848), Ludmilla (Stifter A., “Zwei Witwen”, 1862). Имена у Штифтера не несут в данном случае особой смысловой нагрузки, они создают естественный фон происходящего, они непринужденно вплетены в повествование. Семантика имен указывает, что они неотъемлемая часть реальности, которая разворачивается, эволюционируя, перед глазами героев. Так Ф. Грильпарцер, создавая свою драму «Либуша» не случайно обращается к народной легенде о возникновении города Праги. Произведение было закончено в 1847 году,

в тревожное предреволюционное время, когда народные национальные волнения угрожали существованию Австрийской империи. Героиня и является воплощением того стихийного, «полуварварского» начала, о котором говорит А. В. Михайлов и которое поэтически выражается в сказании о строительстве Праги. Согласно ему прорицательница княгиня Либуша указывает место закладки первого городского камня и повелевает назвать место «Прог», так как она услышала в этот момент это слово от крестьянина, мастерившего порог своего дома. Внутренняя динамика повествования связана с осознанием Либушей того факта, что человеческий род должен развиваться в естественных, природных, приносящих радость условиях. Ее супруг Пршемысл считает, однако, что историческая необходимость важнее естественного существования человека. Город должен быть построен во что бы то ни стало, он нужен для защиты Богемии, для ее славы и процветания. Мечтам Либуши о светлом, гармоничном мире будущего не суждено сбыться. «Ну что ж, добро! От вас я отступаюсь. Вы захотели город строить здесь, Покинуть хижины свои родные, Где каждый был как человек, как муж, Единым, цельным и самим собой. Теперь же вы хотите стать частями Той общности, что назовется город И государство, что в себя вберет, Впитает каждую отдельность вашу. Весами будут не добро и зло, А выгода и польза...» [1]. Данное произведение относится к так называемым «государственным пьесам» в творчестве Грильпарцера. В тексте выражена мечта о гармоническом существовании народов. Представлена и оппозиция «свое – чужое», однако она дает возможность гармонического, патриархального разрешения национального вопроса.

Еще раньше, в 1825 году Грильпрацер, отчасти затрагивая тему сосуществования народов, пытается решить вопрос о мудром и справедливом императоре, который бы сдержанно и уравновешенно решал вопросы государства. Таким правителем он изображает Рудольфа фон Габсбурга, противопоставленного королю Чехии Оттокару («Величие и падение короля Оттокара», “König Ottokars

Glück und Ende”, 1825). Оттокар во что бы то ни стало пытается захватить как можно больше власти, не щадя людей и принося им горе. Так он бросает королеву Маргариту, жертвующую собой во имя мужа, женится на молодой наследнице венгерской короны в надежде, что она подарит ему сына. Он также вовлекает в ненужные войны своих подданных. Победу над тщеславным Оттокаром одерживает Рудольф фон Габсбург, стремящийся к установлению мира в империи. Здесь следует отметить важную роль Праги как историко-географического образа в названных произведениях Грильпарцера и в следующем за ними романе А. Штифтера «Витико» (см. далее). Праге отведена особая роль в становлении австрийской империи, по мысли авторов. Она символизирует в их текстах силу и мощь государственности (за право обладания городом ведутся войны), с ней связана славянская мифология («Либуша»), вносящая поэтический мотив в повествование. Установление мира и заключение договоров – это также приоритет Праги

Если обратиться к произведению классика австрийской литературы А. Штифтера, нередко сопоставимого с эпосом, роману «Витико», (“Witiko”, 1867), то можно отметить, что под его пером возникает текст, повествующий вовсе не о становлении государственности в рамках национальной идеи, но о создании патриархальной, гармонической общности, основа которой сугубо наднациональна. Михайлов подчеркивает: «Далекий от современности роман из жизни XII в. связан с происхождением чешского рода Розенбергов и близок Штифтеру «географически»: дело идет о родной земле Штифтера, благодаря чему актуализуется тема романа — установление справедливости в истории утверждается на вполне реальной почве. Идеальный герой Штифтера – убежденный поборник прочного мира между народами. Вот в чем заключались устремления Штифтера в эпоху, еще далекую от мировых войн, от трагедий геноцида, в ту пору, когда насущная необходимость мира по-настоящему осознавалась лишь немногими» [3]. Штифтер избегает и намека на национальный

вопрос, что характерно для него, уклоняющегося вообще от постановки каких-либо острых тем современности. В повествовании на уровне символических деталей показана общность народов. Так, Витико носит и немецкое головное украшение и богемский головной убор. Герой живет в Богемском лесу как простой крестьянин, являясь при этом представителем высшей знати, осознающей себя вполне достойно в мире. Впоследствии он становится основателем известного рода Розенбергов. Художественное призвание Штифтера заключалось в том, чтобы поэтически, в рамках «кроткого закона» воплотить свое представление об идеальном ходе истории и мудром правителе. Следует отметить, что под «кротким законом» («das sanfte Gesetz»). Штифтер подразумевает под ним равновесие между требованиями общества и личными интересами, ответственность и нравственный долг людей, соблюдение принципов добра и милосердия.

Писатель строит свой роман на эпизодах, основанных на интерпретации как австрийских и чешских легенд. Витико с самого начала повествования выступает как идеальный герой. Он всегда на защите правды и справедливости, поэтому он помогает утвердиться на троне в Праге одному из чешских герцогов, стоящему на стороне истины и народа. Пространство текста определяется реальным географическим продвижением героя из Баварии в Богемию, одновременно это и путь к его счастью и славе. Сами походы Витико построены по законам средневековой энциклики, то есть их константой является постоянное возвращение к исходной точке. В конечном итоге эта энциклика выражает стремление героя быть у себя на родине, преобразовывать ее. Герой начинает свой первый поход в 1138 году из Оберплана (Horní Planá, чеш.) через Пассау и Хауценберг в Богемию, в Прагу, где умирает старый герцог Богемии Собеслав [6]. Нетрудно заметить, что как географические названия, так и имена отражают тот самый славянский «субстрат», который отмечал А.В. Михайлов и который

является в повествовании выражением семантики «своего», а не чуждого или привнесенного извне начала.

Витико выступает на стороне герцога Владислава и снова спешит в Прагу, осажденную предателями законно избранной власти. Мотив двойничества подкрепляется здесь одинаковыми чешскими именами, звучание которых ведет к созданию некоей первозданной славянской стихии, существовавшей раньше всего, ранее, чем сюда приходит немецкое население. В результате у власти остается один Владислав как представитель закона и устоев своего государства. Речь герцога Владислава на военном совете звучит торжественно и построена по законам ритмической прозы, с интонационными параллелизмами, в данном случае уже звуковыми: «У людей это происходит так, что человек помогает человеку, сосед – соседу, друг – другу. И придут времена, что народы больше не будут поодиночке, а будут как человек и человек, как сосед и сосед, как друг и друг» [6, с. 315].

Витико снова возвращается на родину, и снова замыкается еще один круг. Роман состоит из нескольких кольцевых, замыкающихся линий, пока, наконец, протагонист не совершает последний похода в Прагу. Прага во многих произведениях является городом-символом, значение которого осмысливается функцией защиты всего государства. Богемский город важен для общего отечества – проходящей свое становление Австрийской империи. Подлинное завершение движения героя происходит все-таки с обретением дома и семьи, важных для мировоззрения автора категорий. Еще до последнего похода Витико женится на Берте и строит у себя на родине крепкий, защищенный дом. В мире штифтеровских знаков и символов строительством дома завершается движение юности, человек обретает зрелость. Витико и становится в дальнейшем, как это следует из логики повествования, мудрым правителем в землях Южной Богемии, поняв, что власть зиждется не на распрях и междуусобных войнах, а на уважении

права “своих соседей”. Круг, в котором создается идеальное Государство и Дом, замыкается. И в этом круге равны все, будь то немцы, или славяне.

При обращении к творческому пути Чарльза Силсфилда Ч. (Силсфилд / К. Постль, Karl Postl, 1793–1864) и в связи с необычностью биографии писателя следует назвать некоторые этапы его творческой судьбы, не похожей ни на чью иную в австрийской литературе. Силсфилд происходил из семьи моравских крестьян из Поппица и по желанию матери должен был стать католическим священником. В 1808 году он начинает свою учебу в университете в Праге, являющемся в этот период одним из центров австрийского Просвещения, у истоков которого стояли в XVIII веке императрица Мария-Терезия и Иосиф II. В 1823 году он неожиданно исчезает из Праги, чтобы какое-то время спустя появиться в в Соединенных Штатах Америки уже под чужим именем. В 1824 году Постль под псевдонимом Силсфилд предлагает издателю Котта путевые очерки, в которых создает позитивный образ США. Подведением итогов путешествий становятся и очерки «Австрия как она есть», вышедшие на английском языке в 1828 году (“Austria is at is: or, Sketshes of Continental Courts. By an Eye-Witness”).

В очерках «Австрия как она есть» Силсфилд воссоздает остро негативную картину правления императора Франца после Венского конгресса 1815 года. Он негативно оценивает роль министра Клеменса Меттерниха. Видя его коварство и слабость императора Франца, Силсфилд считает, что последний стал игрушкой в руках Александра I. Чтобы не признавать полного превосходства России, Меттерних, по мнению автора, и «изобрел» (“erfand”) Священный Союз. Россия пожинала плоды войны с Наполеоном. «Она победила мощного соперника, полностью истощила силы своих союзников и соседей, Англию, Австрию и Пруссию, и обрела таким образом путь к мировому господству» [4, с. 82]. Итак, Силсфилд упоминает в своем очерке государство, имеющее непосредственное отношение к славянству. Это Россия.

Понимая политическую мощь страны, победившей Наполеона и продвинувшейся далеко на Запад, писатель неоднократно подчеркивает угнетенное и рабское положение ее народа. Примечательно то, что рабские черты нации Силсфилд связывает исключительно с формой государственного правления и влияния государства на общество. В параллель с русскими поставлены богемцы. Он приводит их в качестве примера, которые так же, как и русские относятся к славянским народам и так же угнетены, как они. «Настрой души богемских крестьян такой, какой можно ожидать от народа, который угнетен массой властителей ... Они... недоверчивые и запуганные люди. Их лица выражают недовольство и они относятся к обещаниям и даже деньгам настороженно» [4, с. 88].

Силсфилд говорит об угрюмой душе славянского народа „*misstrauischen Gemüt des Volkes*“ и отмечает, что «богемцы с давних времен чувствуют себя угнетенными» и что теперешнее правительство только углубило это ощущение [4, с. 88]. В то же время писатель отмечает врожденный художественный талант богемцев, что отличает их «от других славянских народов» [4, с. 88]. Далее он утверждает, что богемцы, моравы, венгры и поляки меньше знают мир, чем англичане или немцы, но они в большей степени обладают проницательностью и национальной восприимчивостью, чем те» [4, с. 89]. Силсфилд, подчеркнув рабское положение славянских народов, однако, замечает и их критический настрой по отношению к императору. «В Моравии ... о нем говорят достаточно равнодушно. В Богемии, однако, любимый «Францль» утратил всякое уважение. Правда, о нем не отваживаются говорить открыто, но его осуждают и ненавидят как истинного, вероломного тирана» [4, с. 89].

Одним из последних писателей Австро-Венгерской монархии, призывающих к сохранению мира внутри империи был у Фердинанд фон Заара (Ferdinand von Saar, 1833–1906) прозаик, перу которого принадлежали мастерски написанные новеллы. В конце XIX века он, казалось бы, неожиданно обращается к

жанру идиллической поэмы. «Герман и Доротея. Идиллия в пяти песнях» (“Hermann und Dorothea. Ein Idyll in fünf Gesängen”, 1902), в которой и звучит этот эмоционально выраженный призыв. Заар так же, как когда-то Штифтер, ощущает опасность нарастающего национального конфликта. Не случайно бургомистр напоминает жителям в 3-ей части поэмы. «Мы мирно настроены и хотели бы мирно ладить со славянами страны, так как мы ведь все моравы» [5, с. 36].

Вывод. Таким образом, неотъемлемой частью текстов австрийской литературы в XIX веке становится славянский «субстрат» (Михайлов), выражающийся у названных нами писателей по-разному. Их авторская речь, выраженная в произведениях, представляет некоторым образом спор на тему национального существования в едином государстве. Славянские мотивы Грильпарцера соединяются в общую картину государственной и национальной памяти. Либуша не только героиня чешской легенды, она также воплощение мечты о гармонии и бесконфликтности существования государства. Штифтер создает эпическую идиллию государственного устройства, которое становится основой существования как для немцев и австрийцев, так и для чехов и других народов («Витико»). Силсфилд, находясь на демократических позициях, критически остро осмысляет положение славян в Австрийской империи. Заар, следуя по стопам И. В. Гёте и А. Штифтера, снова мечтает о гармоничном и идиллическом существовании народов в едином государстве. Славянская тема и мотивы, вне зависимости от того, позитивно или негативно они осмыслены, остаются важными элементами повествования в австрийской литературе XIX века.

Литература:

1. Грильпарцер Фр. Либуша // Грильпарцер Фр. Пьесы. Пер. с нем. / Вступ. статья и примеч. Е. Эткинда / Л., М.: Искусство, 1961. [Электронный ресурс] URL <https://www.litmir.me/br/?b=232967&p=1> (дата обращения 19.04.21).
2. Затонский Д. В. Австрийский литературный феномен // Вопросы литературы. 1983. № 2. [Электронный ресурс] URL <https://voplit.ru/article/avstrijskij-literaturnyj-fenomen/> (дата обращения 18.04.21).
3. Михайлов А. В. Избранное: Феноменология австрийской культуры / Статьи и рецензии [Электронный ресурс]. URL

http://www.xliby.ru/kulturologija/izbrannoe_fenomenologija_avstriiskoi_kultury/p1.php#metkadoc2
(дата обращения 01.02.21).

4. Charles Sealsfield – Karl Postl. Österreich, wie es ist oder: Skizzen von Fürstenthöfen de Kontinents Von einem Augenzeugen London 1828. Leseausgabe. / Hrg., bearbeitet und überetzt und mit einem Nachwort versehen von Primus–Heinz Kucher. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 1997. 164 с.

5. Saar F. Hermann und Dorothea / Hrg. von R. Bogner. Saarbrücken: Universitätsverl., 2011. 87 с.

6. Stifter A. Witiko. Münch.: Winkler Verl., 1997. 997 с.

DOI 10.33065/978-5-907216-49-5-2021-304-314

*Ф.А. гызы Мамедова,
доцент кафедры английского языка,
Бакинский славянский университет,
Баку, Азербайджанская Республика*

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу роли заимствованных слов в публицистическом дискурсе. Последовательно даются определения дискурса, публицистического дискурса и заимствования. Анализ роли заимствований в создании функционального пространства публицистического дискурса способствует глубокому пониманию сути прагма-функциональных и когнитивно-функциональных свойств заимствований и развивает данную проблематику в русле функциональной лексикологии, стилистики и риторики.

Ключевые слова: дискурс, публицистический дискурс, заимствования, функциональный аспект.

*Farah A. Mammadova
Associate Professor of Department of English Language,
Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan*

THE FUNCTIONAL ASPECT OF USING BORROWINGS

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of loan words in journalistic discourse. The definitions of discourse, journalistic discourse, and borrowings are consistently discussed in this article. Analysis of the role of borrowing in creating a functional space for public discourse contributes to a deep understanding of the substance of loan words. It develops this problem in the direction of functional lexicology, stylistics and rhetoric.